

МНОГООБРАЗИЕ ДЕМОКРАТИЙ — ОТ ДЕБАТОВ К СТАНДАРТАМ

СПОР БАРАКА ОБАМЫ С ДЖОРДЖЕМ БУШЕМ-МЛАДШИМ: ВЗГЛЯД ИЗ МОСКВЫ

Глеб Павловский

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала»

Автор концепции «многообразных современностей» Шмуэль Эйзенштадт доводит ее до «кристаллизации и развития многообразных демократий». Ощутима ли для нас в России эта реальная политическая трудность — многообразие демократического опыта? Занимаются ли вообще в России демократией как позитивной проблемой?

Русский разговор о демократии исходно подозрителен, и вступающий в него сразу почувствует себя неловко. Предполагается, что русские либо жалуются на ее (демократии) отсутствие, либо лгут о ее наличии. Зачем, казалось бы? Считается, что русские вообще не думают, что делают, зато испытывают иррациональный страх — например, «боятся либеральных разоблачений». Многие полагают немислимым, что в России демократия составляет предмет рационального государственного интереса и добросовестных, хоть иногда и безуспешных усилий власти. Иными словами, в России дискуссия о демократии изначально попадает в поле недоверия, сопровождающего ее до конца.

Из-за этого и дискуссия не складывается. В ней недостает критики собственно демократического опыта России. Ее участники ведут желчные споры о власти, где тема де-

мократии выглядит производной, — считают, что «никакой демократии нет», но она появится «после взятия нами власти». Естественно, при этом интерес к собственно демократическому опыту сторон отсутствует. В особенности же страдает атмосфера универсализма обсуждаемых ценностей. Polemисты отказывают друг другу в праве на общезначимый статус, однако сами вещают именем универсалий. Легко посчитать это недостатком самих экспертов. Не это ли имел в виду президент Дмитрий Медведев в своей недавней статье, сетуя на «низкое качество общественных дискуссий и критических выступлений»? Но что если недостаток полемики — это недостаток самого опыта?

Демократический опыт усваивается только путем его критического анализа. Но критика, даже радикальная, требует признания предмета существующим. Отрицание опыта российской демократии столь же опасно для нее, как и апологии.

Общество и государство — игра с нулевой суммой?

Главная проблема российских трактовок отношений государства и общества — это философия «игры с нулевой суммой». Издавна в России принято их описывать по схеме «либо — либо». Больше общества — меньше государства, меньше общества — больше власти. Демократия со времен русских народников видится в России как ослабленное государство. А еще лучше — государство наказанное («покаранное народом»).

Методология такой полемики выдает популистскую схему. Естественное предположение, что в процессе демократизации участвуют все группы, а не только субъективно-демократические, обычно объявляется ересью. Ересью считают и то, что государство и лояльные ему силы заинтересованы в демократизации. Отвергается обсуждение частных продвижений, успехов и неудач демократии, в особенности же интересов, стоящих за теми или иными ее сценариями. Итогом становится необсуждение — отсутствие критической проработки опыта, приобретаемого общественными и государст-

венными участниками строительства демократии.

В целом надо сказать, что популярная в России гипотеза, будто для развития гражданского общества необходимо нарочито ослабленное и неавторитетное государство, не является демократической концепцией. Ш. Эйзенштадт считает равно опасным допускать «репрессивное регулирование гражданского общества государством или узурпацию государства сильным гражданским обществом». Пароль Путина и Медведева — сильная демократия. Но для нее необходима чувствительность и отзывчивость государства к плюралистическим сигналам со стороны общества. Нехватка чувствительности к плюрализму вынуждает последний к созданию монопольных зон в общественной сфере и ведет к ее фрагментации. В обществе появляются претенденты на квазигосударственную легитимность, создающие субституты власти, коррумпирующие ее институты. (Нечто подобное протекало в Российской Федерации во второй половине 1990-х годов.) База демократии в этом случае ослабевает, а в общественном мнении доминирует все то же русское народничество — коктейль из популизма и нигилизма, глубоко антилиберальный по сути.

«Идеология демократии» против демократии

Спор о демократии в России сегодня избыточно сосредоточен вокруг ложной дилеммы «заимствованное — суверенное» и «западное — свое». Замечу, что сама по себе идея переноса демократических институтов не является либеральной идеей. Она может быть и идеей колониальной. Спор о приоритетах демократии в России ведут у демонстрационных стендов западных политических систем. Отобранные образцы носят избирательный и упрощенный характер. Такой спор — спор о пропагандистских муляжах с вкраплениями туристских впечатлений дискутантов — ничтожен, вторичен. В силу ничтожности он растворяется в пропагандист-

ском контексте бушизма, с идеями «демократии, распространяемой из мирового центра» и «самой великой демократии в истории». Легко заметить, что ни один из этих концептов не принадлежит к либеральной традиции, да и несовместим с ней. Барак Обама справедливо именуется бушизм *«ригидной идеологией и дисфункциональной политикой Вашингтона, спроецированной за рубеж»* и добавляет: *«идеология, которая неспособна определять время, не годна для определения событий в других странах».*

Тем не менее именно в силу провинциальности российские дебаты о демократии попали в контекст попыток унифицировать демократическую модель с целью ее распространения. Но унифицированная демократия — всего лишь колониально-репрессивная идеология. *«Мы получили политику страха, основанную на том, «лоялен» ли ты или нет Белому дому... — осуждает американскую политику американский президент — Мы получили лишнюю гибкости идеологию двадцатого века...»*

Унификация против многообразия опыта

Несколько нелепо доказывать само многообразие демократического опыта. Хотя бы потому, что никто не станет спорить с тем, что демократии Японии, Индии, России, Испании и Соединенных Штатов крайне отличаются друг от друга. Все они «суверенны», все базируются на местных (иногда очень давних и уникальных, как в Индии или США) сочетаниях общности и плюрализма. Я хочу перевернуть проблему: кому и зачем вообще понадобилась политика «единообразной демократии» — откровенно противоречащая многообразию последней? Политика монополизации стандартов и их контроля, то есть присвоения одной страной «глобальной компетенции», реальной глобальной власти. И мы все знаем эту страну.

«Я вижу опасность в том случае, когда правительство Соединенных Штатов или любой другой страны считает, что можно просто взять и

навязать свои ценности другой стране, с совершенно отличной историей и культурой» (Б. Обама. Из интервью ВВС, 02.06.2009).

Политика Буша внесла деструктивный военно-силовой акцент в тематику распространения демократии. Либерализм, применяемый как наказание к «недисциплинированным» режимам, невольно приобрел несвойственный ему репрессивный

этом справедливо заметил: *«Мы обязаны поддерживать тех, кто действует ответственно, и изолировать тех, кто этого не делает».* Собственно в этом есть потенциал нового подхода к проблеме стандартов. Крах имперского унификаторства в стиле Буша-младшего не означает, что универсализм демократии можно забыть. *«Демократия, верховенство закона, свобода слова» являются*

не западными, а универсальными общечеловеческими ценностями. В некоторых странах... вопрос о правах человека, несомненно, стоит довольно остро, однако есть универсальные принципы, которые они (эти страны) могут принять как часть своей национальной идентичности».

С одной стороны, Россия противостоит любым попыткам «силовой централизации» и унификации многополярного мира под предлогом «распространения демократии», с другой — Россия настаивает на совместной выработке инклюзивного на-

привкус. «Распространяемая демократия» — не работает. В силу самой своей природы она нуждается как минимум в управлении извне (а в иракско-афганском случае — с добавлением военной силы). Это *военно-руководимая демократия*.

Многообразие демократий и согласование стандартов

Теперь, когда с уходом Буша версия «единой демократии для всех» отменяется, как быть с реальным разнообразием демократического опыта? Как быть с новыми государствами? Как быть со старыми государствами, меняющими формат своего развития? Как работать со всем этим пестрым пространством, то демократическим, то младодемократическим, то недемократическим вовсе — где все градации спорны, а обиды реальны и всякий раз вызывают бурную полемику?

Здесь опять-таки легко и приятно сослаться на президента Обаму. Выступая прошлым летом в парламенте Ганы, он сказал: *«Суть демократии в том, что каждая страна сама определяет свою судьбу».* Но при

бора **стандартов государственности** для современного мира. Стандартов современной — демократической — государственности.

Мы в России настаивали, чтобы проигравший выборы президент Молдовы Воронин ушел, а не цеплялся за власть, используя околоконституционные интриги. Мы настаиваем, что украинская власть не смеет тянуть страну в НАТО, пока большинство граждан Украины не приняли решение об этом путем демократических процедур на базе Конституции Украины. Мы воспрепятствовали военной силой грузинскому президенту Саакашвили «очистить» Южную Осетию от осетин. То есть **Россия уже сегодня добивается соблюдения демократических стандартов от других суверенных стран.** Такая политика должна быть готова к честному анализу любой чужой суверенной демократии так же, как и к самокритике. Совместно вырабатываемые, стандарты создадут легальную международно-правовую основу и для взаимной критики, и для обмена опытом среди многообразных демократий. ■